

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Статью С. Вострикова редколлегия решила опубликовать как повод для дискуссии. Действительно ли поддержание военно-политической напряженности между соседними странами отвечает национальным интересам России? И не оборачивается ли в современном мире столь циничная геополитическая стратегия бумерангом?

Редакция приглашает продолжить обсуждение этих вопросов.

С.В. ВОСТРИКОВ

Карабахский кризис и политика России на Кавказе

Восточная политика России, призванная служить важной составляющей всей внешнегосударственной деятельности, как и страна в целом, переживает далеко не лучшие времена. Ее кавказское направление зашло сегодня в тупик, из которого очень непросто выбраться. При продолжении нынешнего курса Россия уже в недалеком будущем рискует потерять весь Кавказ.

Наиболее ярко несостоятельность этого курса проявляется в отношении карабахского кризиса, обладающего собственными генезисом, внутренней логикой развития, длительной историей. Доминантой этой истории, уходящей своими корнями в глубь веков, была четко выраженная пророссийская ориентация Карабаха. Она сформировалась еще на заре освободительного движения армянского населения Арцаха и явилась результатом весьма трудного и продолжительного исторического процесса обретений и потерь, надежд и разочарований.

Включение Карабаха в состав Российской Империи

Начиная с середины XVI века армянская светская знать и духовенство, возглавившие борьбу против иноземного господства, повели активный поиск внешних союзников, без которых достижение независимости было совершенно нереально. После нескольких неудачных попыток сделать ставку на Запад (Францию, Ватикан, Австрию, Пфальц) и окончательного провала широкомасштабной программы действий с громким названием "Военный поход от Рейна до Тавриза" наступило разочарование, побудившее феодальную верхушку карабахских меликств пересмотреть подходы к выбору внешних приоритетов. Особая роль в этом принадлежала выдающемуся карабахскому политику и дипломату И. Ори (1658-1711). Именно благодаря его упорству и

В о с т р и к о в Сергей Васильевич - доктор исторических наук, заместитель начальника кафедры Военного университета войсковой ПВО Вооруженных сил РФ (Смоленск).

настойчивости освободительное движение армян Карабаха получило в начале XVIII века признание и поддержку со стороны России в лице Петра I. Благодаря своему интеллекту и широкой эрудиции¹ Ори привлек к себе симпатии императорского двора. Позже в документе, написанном по поручению князя Г. Потемкина, он характеризовался как "муж отличного разума и дарований" [1]. Фактически Ори стал основоположником русской ориентации в Армении.

После смерти Ори эту линию продолжил его помощник М. Тигранянц (Вардапет). Во время персидского похода 1722-1723 годов он лично сопровождал Петра I. В дальнейшем борьбу населения Карабаха против турецко-персидского ига возглавил знаменитый армянский просветитель и общественный деятель И. Эмин, который представил в 1761 году канцлеру М. Воронцову подробный и масштабный план возрождения Закавказья под покровительством России. Хотя данный проект так и не был реализован, опыт Эмина подтвердил, что без помощи России народы Закавказья не смогут добиться национального освобождения [2].

Большой вклад в упрочение российско-армянских отношений внесли известный предприниматель Ованес (Иван) Лазарев и архиепископ Иосиф Аргутинский, жившие в конце XVIII века в России. Они принимали активное участие в обсуждениях восточного вопроса в русских правительственных кругах, неоднократно встречались с Г. Потемкиным и А. Суворовым, готовили доклады о положении дел в Иране и Закавказье. Конкретным проявлением интереса правящей российской элиты к положению дел в Закавказье стал специальный Указ Екатерины II от 1796 года, по которому армянам были выделены земли на берегах Дона в Новом Нахичеване и его окрестностях. Аргутинским и Лазаревым были подготовлены проект армяно-русского договора, а также концепция будущего устройства Армении, получившие название "Северная программа". Другая, "Южная программа" была разработана Мадраским политическим кружком Ш. Шаамиряна [3].

Будучи одним из лидеров армянского национально-освободительного движения, Шаамирян объединил вокруг себя представителей интеллигенции, стоявших на республиканско-демократических позициях. В 1771 году в Индии Шаамиряном была создана типография, сыгравшая важную роль в просвещении армянского населения. В этой связи можно упомянуть такие издания, как "Новая книга, называемая увещанием" и "Западня честолубия". Последняя содержала изложение конституции будущего армянского государства, построенного на демократических началах. В "Южной программе" Шаамиряна основная роль в борьбе против турецко-иранского государства отводилась карабахским меликам [2, с. 57, 58]. При всех различиях, содержащихся в программах "северян" и "южан", их объединяло понимание того, что освобождение Армении должно произойти при помощи русской армии, а будущее армянское государство должно находиться в вечной дружбе с Россией.

В 1805 году после взятия русскими войсками Шуши на реке Курак-чай правителем Карабаха Ибрагим-ханом и командующим Русской армии в Закавказье генералом Цициановым был подписан трактат, в соответствии с которым Карабах вступал в подданство России и отказывался от всякой зависимости от Персии. В 1822 году главнокомандующим русскими войсками на Кавказе был упразднен институт ханства и Карабах перешел под прямое административное управление России, курировать которое было поручено карабахскому армянину генералу Мадатову. Последний известен как активный участник Отечественной войны 1812 года и боевой соратник Д. Давыдова [4]. Благодаря присоединению Карабаха к России его население было спасено от полного физического уничтожения: достаточно указать на тот факт, что в результате опустошительных войн к моменту присоединения Карабаха к России там не осталось и половины прежнего населения [5].

По завершении очередной русско-иранской военной кампании 1826-1828 годов и разгрома войск Аббас-Мирзы был заключен Туркманчайский договор, установивший

¹ Он знал французский, итальянский, латинский, немецкий, русский, турецкий и персидский языки.

границу между Ираном и Россией по реке Аракс. Ереванское и Нахичеванское ханства, а также часть Каспийского побережья до реки Астары перешли к России. С заключением Туркманчайского договора Карабах был окончательно присоединен к России. Население, оставшееся под турецко-иранским игом, постигла тяжелая участь. Большая его часть была уничтожена физически, другая часть подверглась насильственной ассимиляции и утратила свой язык и культуру, третья часть, хотя и сумела сохранить свою национальность, была дискриминирована и лишена каких-либо политических, культурных и экономических прав.

Таким образом, еще два столетия тому назад в силу своего геополитического положения и объективно сформировавшихся обстоятельств Карабах оказался перед выбором: быть раздавленным турецко-персидским деспотизмом либо принять покровительство близкого в духовном и цивилизационно-культурном отношении северного соседа. В сложившейся ситуации присоединение Карабаха к России было исторической необходимостью и единственно правильным решением, обеспечившим его населению шанс на выживании. Руководство российского государства, имевшего важные военно-стратегические и экономические интересы на Кавказе, также придавало карабахскому направлению своей восточной политики большое значение.

Карабах в советский период: нарастание противоречий

Однако в постоктябрьский период эта традиция не была сохранена. Более того, проблема Карабаха стала одним из мощных конфликтогенных факторов региона, превратившись в своеобразную "мину замедленного действия", подведенную под стабильность всего Закавказья. Она была установлена и "взведена" еще в начале нынешнего века, после крушения Османской и Российской империй, на территориях, которых компактно проживали, не имея собственной государственности, около 4 млн армян, в том числе в России примерно 1,5 млн человек, в Турции - более 2,5 млн [6]. Происходила "перекройка" земель Передней Азии и Закавказья. Фактически армянские земли послужили "разменной монетой" в территориальном разделе и сближении между советской Россией и кемалистской Турцией [7]. В соответствии с Московским договором, подписанным 16 марта 1921 года, Анкара получила права на районы Карса и Ардагана, входивших ранее в состав России.

По этому же договору под протекторат Азербайджана передавалась Нахичеванская область, являвшаяся ядром исторических армянских земель. Формальным поводом послужило то, что вследствие геноцида 1914-1916 годов в Западной Армении и резни армян в Баку, Нахичеване и Шуше в 1918-1921 годах численность армянского населения здесь сократилась вдвое.

Трудно объяснить и последующее решение о включении в состав Азербайджана Нагорного Карабаха, населенного в начале 20-х годов на 90% армянами, которое было принято Кавбюро РКП(б) 5 июля 1921 года. По мнению С. Лезова, подобный шаг был определен "попытками большевиков найти общий язык с Турцией, которая тогда, как и сегодня, стремилась быть покровителем азербайджанцев" [8, с. 53].

В течение последующего полувека, предшествовавшего вспышке вооруженного конфликта вокруг Нагорного Карабаха, численность его армянского населения (так же как и в прилегающих к нему районах Азербайджана - Ханларском, Шаумяновском, Дашкесанском) непрерывно уменьшалась. За этот же период численность азербайджанского населения Нагорного Карабаха выросла в 5 раз, увеличившись с 5% до 23%' в общем балансе народонаселения данного региона [9]. Подобная тенденция изменения этнонационального состава населения играла (наряду с другими факторами, определяющую роль в формировании предпосылок карабахского кризиса.

Как подтверждают устные и письменные свидетельства очевидцев и участников армянская и азербайджанская общины в Нагорном Карабахе при советской власти жили в состоянии "холодной войны" - взаимной вражды и отчуждения, время от

времени приводившей к конфронтациям. Фактически, это была предконфликтная фаза карабахского кризиса.

Приведенные примеры показывают, что искусственное включение целых ареалов и стран вопреки интересам их населения в инациональные государственные образования породило трудноразрешимую проблему этнонациональных меньшинств - "заложников", дальнейшая судьба которых ставилась в прямую зависимость от намерений и доброй воли доминирующего этноса.

Социально-экономическая и культурно-психологическая подоплека конфликта

Другим важным фактором, стимулировавшим рост конфликтности в межнациональных отношениях, стало различие уровней реальных среднедушевых доходов. Очевидно, что "фактическое равенство" народов, декларируемое официальной пропагандой, не выдержало проверки фактами реальной действительности. Неспособность центральных властей реально улучшить жизненный уровень местного населения, как справедливо отмечал американский политолог С. Берг, стимулировала стремление каждой нации решать стоящие перед ней проблемы, рассчитывая на собственные возможности [10].

Следует подчеркнуть, что существенные диспропорции социально-экономического развития имели место не только на уровне союзных республик, но и между регионами и отдельными территориями. Причем ситуация здесь складывалась подчас намного сложнее и противоречивее, чем могло показаться на первый взгляд. Характерен в этом отношении пример с Нагорным Карабахом. К началу 80-х годов Армения ощутимо превосходила Азербайджан по большинству среднедушевых показателей уровня жизни: производство товаров народного потребления составляло соответственно 1190 и 635 руб.; средняя величина денежных вкладов - 1868 и 1195 руб.; розничный товарооборот в сельской местности - 405 и 278 руб.; средняя продолжительность жизни - 73,3 и 69,9 года [11, 12].

Социально-экономические различия правомерно расценивались как одна из предпосылок карабахского кризиса. Но суть проблемы заключалась не в том, что армяне Нагорно-Карабахской Автономной области (НКАО) жили хуже, чем их соседи-азербайджанцы. Напротив, по целому ряду параметров уровень жизни первых был несколько выше соответствующих показателей вторых. Однако армяне НКАО хорошо знали, как живут их единокровные братья в Армении, и, естественно, полагали, что при достижении самостоятельности они смогут обеспечить собственное благосостояние, значительно улучшить условия жизни. Уровень жизненного стандарта Армении служил для них своего рода маяком и ориентиром, на который следовало равняться. В то же время неудовлетворительные, по их мнению, жизненные условия объявлялись результатом экономической политики Баку.

Нужно заметить, что объяснение экономических просчетов или объективных трудностей национальным притеснением, жесткой административной "опекой" со стороны доминирующего этноса (или даже другого государства) достаточно типично для такого рода ситуаций и весьма распространено. Совершенно аналогично, например, воспринимало в свое время население бывшей ГДР собственное социально-экономическое положение, сравнивая его с тем уровнем жизни, который был у них что называется перед глазами - в соседней ФРГ.

Одной из предпосылок роста межэтнической напряженности и углубления взаимного недоверия являлась узурпация разного рода привилегированных социальных ниш и ключевых постов представителями одной этнической группы в ущерб другим. В условиях номенклатурной кадровой политики и преобладания патриархально-земляческих связей подобная практика получила широкое распространение в различных регионах Закавказья и Центральной Азии, особенно в районах проживания этноконфессиональных меньшинств. Фактически повсеместно руководящие должности в

управленческих структурах занимали представители доминирующего этноса республики, назначаемые сверху. Причем нередко, как свидетельствуют личные наблюдения автора, кооптируемые "аппаратчики" представляли не только "коренное" большинство, но и круг лиц, приближенных к первому секретарю парторганизации республики, были связаны с ними родственными, племенными и земляческими узами. Нахичеванский клан, возглавляемый в тот период Г. Алиевым, взяв курс на "азербайджанизацию" кадровой политики, осуществлял "тихое вытеснение" из управленческо-административного аппарата инациональных кадров (т.е. евреев, армян, русских), заменяя их представителями "коренной национальности". При этом были потеснены и традиционно доминировавшие в стране бакинские кланы, гянджийская креатура в столице, позиции которых заняли выходцы из Нахичевани.

Это являлось секретом только для Москвы, которая предавалась самоубаюкивающим мифам об "интернациональном братстве" и "новой исторической общности". Реальные отношения в Закавказье и Центральной Азии, построенные на традиционных основах, постепенно возобладали и подчинили себе формально-советские.

Десятилетия сосуществования армян и азербайджанцев в советский период не внесли принципиальных изменений в давнюю историческую традицию: отношения между ними все эти годы были отягощены плохо скрываемыми недоверием, подозрительностью и неприязнью. Что касается азербайджанской и армянской общин в ИКАО, то на протяжении последних десятилетий они жили в состоянии "холодной войны", периодически прорывавшейся вспышками вражды и межобщинными столкновениями.

Начавшаяся "перестройка" способствовала "размораживанию" давнего конфликта и переходу его в активную фазу. Уже в конце 1987 года принятием обращений в адрес союзных властей и проведением митингов заявило о себе организованное армянское движение в Нагорном Карабахе. Суть требований, выдвигавшихся на первом этапе, сводилась к повышению статуса НКАО и обеспечению ее населению права самому решать свою судьбу. В основе этих требований лежали тревога за сохранение этноса и стремление к самовыживанию. Выше уже говорилось об определенной исторической и геополитической константе, сопряженной с непрерывным сокращением на протяжении двух последних столетий территорий проживания армянского этноса и численности самих армян. Данная тенденция сохранилась и в советскую эпоху. Так, в период 1921—1982 годов абсолютная численность армян в регионе постоянно уменьшалась из-за активной миграции в города. Азербайджанское население практически не было вовлечено в процессы урбанизации. Кроме того, у него отмечались значительно более высокие темпы естественного прироста. Вследствие этого соотношение национальных групп в НКАО стало достаточно быстро изменяться в пользу тюркоязычного этноса. Это было устойчивой и постоянно прогрессирующей тенденцией.

Представляется, что именно подобная тенденция изменения национального состава жителей региона сыграла решающую роль в формировании карабахского кризиса. В контексте предшествующего исторического процесса, на фоне утвердившейся динамики изменения пропорций этнонационального состава сама "карабахская проблема", если вынести за скобки морально-нравственные и этические аспекты, по мнению некоторых исследователей, может «сводиться к животному стремлению народа выжить, уцепиться на последнем рубеже. Это инстинкт самосохранения, который находится "по ту сторону добра и зла", который внеположен нравственности, как и само национальное начало, понимаемое в биологически-этническом смысле» [8, с. 54].

Существовали и другие причины, способствующие возникновению конфликта. Они связаны преимущественно с культурно-цивилизационной и языковой проблематикой. Действительно, армяне в НКАО имели право на использование родного языка. Однако сфера его применения была жестко ограничена. Продолжительность вещания местного радио- и телевидения на армянском языке определялась и регламентировалась Баку. Телепередачи из Еревана на принимались. Курс истории своего народа был исключен из школьных программ, вместо него вменялось в административном

порядке изучения "Истории Азербайджана". Учителя готовились только в Баку или Степанакерте, направление педагогов для подготовки в вузы Армении запрещалось. В качестве государственного языка, как известно, функционировал только азербайджанский. А ведь именно знание официального языка - один из важнейших маркеров принадлежности к титульной группе. Именно этим обуславливались ограничения вертикальной социальной мобильности по национальному признаку, права на получение определенных профессий.

Особо следует выделить психолого-социальный и эмоционально-чувственный аспекты. Они самым непосредственным образом связаны с укоренившейся в самосознании армянского этноса концепцией цивилизованности, которая основывается на представлении об армянстве как одном из древнейших народов мира, наследнике античной культуры, выполняющем просветительно-цивилизаторскую миссию в регионе. Отсюда же - ощущение армянами ИКАО постоянного психологического дискомфорта, внутреннего беспокойства и напряжения, обусловленного пониманием себя в качестве инородного тела, искусственно вмонтированного в чужеродный цивилизационно-культурный пласт. Разнотипность политических культур мира ислама и христианского мира, естественно, отразилась на характере взаимоотношений и восприятии друг друга двумя этническими группами, проживающими в регионе. Пример "старшего брата" (Армении), обладающего несравненно более высоким статусом, уровнем жизни, степенью защищенности, был, что называется, перед глазами и делал особо притягательным и популярным идею "миацума", т.е. воссоединения с Арменией.

Думается, поведенческо-психологический момент сыграл значительно более важную роль в карабахском кризисе, чем представлялось ранее. Иррациональное восприятие угрозы утратить самоценность и переживание "исторических несправдливостей", имевших место в прошлом, создавали благоприятные условия для этнической мобилизации и консолидации сил каждой из конфликтующих сторон, стимулировали жесткость позиций и экстремизм этнических требований. Сработала "реакция обеспокоенности", которая, по определению американского исследователя Д. Горовица, проистекает из-за распространения гипертрофированного чувства опасности и способна инициировать "крайние действия в ответ на довольно умеренные угрозы" [13]. Скоротечность развития карабахского кризиса и быстрый переход конфликтующих сторон к самым крайним средствам борьбы, т.е. к убийствам и насилию, во многом, по нашему мнению, объясняются именно этим обстоятельством.

Развертывание кризиса

Игнорирование и замалчивание республиканским и союзным правительством армянского национального движения в ИКАО, попытки дискредитации лозунгов, преследования его лидеров не только не обеспечили спокойствия в регионе, но и возымели совершенно противоположный эффект. Дискриминационно-ограничительные меры властей способствовали еще большему вовлечению широких масс армянского населения в развертывающийся конфликт, росту популярности руководителей национального движения, дальнейшей радикализации требований, вылившихся в принятие областным советом НКАО в феврале 1988 года решения о самоопределении и конституционном выходе из-под контроля Баку. Конечно, подобный шаг мог вызвать только чрезвычайно эмоциональную и бурную реакцию у азербайджанской стороны, которая рассматривала это как посягательство на суверенитет и территориальную целостность государства. Тем более что азербайджанская сторона, так же как и армянская, считала Нагорный Карабах исконным очагом формирования собственной нации. Развязка стала неизбежной.

Не видел этого только тот, кто не хотел видеть: резня в Сумгаите в 1988 году была естественным продолжением того состояния межнациональных отношений, которое имело место на протяжении последних лет. Однако она оказалась неожиданностью и застала врасплох горбачевское руководство бывшего Союза, проявившее в условиях

кризисного развития полную бездарность и несостоятельность. Совершенно очевидно, что именно вопиющая некомпетентность высших должностных лиц в области государственно-национального строительства, а также экономики, явилась одной из главных причин распада союзного государства.

Провозглашение Нагорно-Карабахской Республики (НКР) и последовавшие за этим массовое изгнание армян из Азербайджана и насильственные депортации азербайджанцев из Армении означали переход конфликта в стадию непосредственной армяно-азербайджанской конфронтации. Попытки центра локализовать конфликт и заблокировать его в начале "горячей" фазы окончились провалом главным образом по двум причинам. Во-первых, вследствие самомнения и непрофессионализма М. Горбачева и людей из его окружения. На рубеже 1988-1989 годов (когда еще сохранялся шанс на урегулирование конфликта) они проигнорировали вполне разумные и реалистичные предложения А. Вольского и Е. Примакова, которые знали о ситуации по личным впечатлениям. Парадоксально, но факт: президент СССР ни разу не удосужился побывать в Карабахе, встретиться с его населением. Впрочем, он не был и в Фергане, Коканде, Сумгаите, Тбилиси, Тирасполе, Душанбе и других "горячих точках" страны. (Показательно в этом плане сравнение с действиями высших должностных лиц в аналогичных ситуациях в государствах развитой демократии, например США, Франции, Великобритании, Канады.) Во-вторых, и на армянской, и на азербайджанской стороне инициативой завладели радикально настроенные силы, не заинтересованные в тот период в достижении компромисса.

Распад Союза и "приватизация" конфликтующими сторонами вооружений, военной техники и имущества бывшей союзной армии способствовали дальнейшему расширению масштабов вооруженного противоборства, которое, выйдя за пределы собственно карабахского региона, все больше принимало характер полнокровной межгосударственной войны между Азербайджаном и Арменией. Апогеем ее, по-видимому, можно считать конец 1992 - начало 1993 года, когда на наступление азербайджанских военизированных формирований на агдамском направлении и в Мардакертском районе НКР армянская сторона ответила взятием Шуши, прорывом на лачинском направлении, а затем предприняла широкомасштабное контрнаступление с переносом боевых действий непосредственно на азербайджанскую территорию, вследствие чего около 20% собственно азербайджанских земель перешло под контроль армянской стороны. Стратегически важное значение имело установление сухопутного "гуманитарного коридора" между Арменией и НКР. По существу это означало, что в ходе вооруженного конфликта по поводу Нагорного Карабаха наступил перелом.

Размах действий сторон, степень ожесточенности и число вовлеченных в конфликт людей делают необходимым специально остановиться на подоплеке, своеобразном "втором плане" конфликта. Внутренний драматизм и психологический подтекст ситуации заключается в том, что ставки конфликтующих сторон в развернувшейся борьбе были неравны. Если для Баку принадлежность Нагорного Карабаха - это в значительной мере вопрос национального престижа и амбиций, представляющий в известной степени символическое значение, то для армянской стороны - это дело жизни или смерти, поскольку речь идет о физическом выживании самого армянского этноса. С его стороны борьба за территорию имеет не чисто военно-политическое или престижное значение, а означает в буквальном смысле слова борьбу за жизненное пространство. Представляется, что это отчасти объясняет логику действий и определенные различия в позициях конфликтующих сторон.

Для НКР в сложившихся условиях жизненно важное значение имеет не столько реализация идеи "миацума", сколько возможность уйти из-под контроля Баку и обрести фактическую независимость от Азербайджана. Совершенно очевидно, что всякое крупное поражение на карабахском фронте чревато для НКР угрозой ее расщепления на несколько частей и устранения всего ее населения (т.е. физического уничтожения или бегства в Армению). Степень риска для азербайджанской стороны

существенно ниже. Даже при самом неблагоприятном развитии событий Баку имеет более широкие возможности для маневра и выбора отходных путей. Неуступчивость армянской стороны в конфликте во многом обусловлена тем жестко ограниченным лимитом альтернативных вариантов, которые у нее наличествуют.

Консервация конфликта

Кровопролитная и изнурительная борьба истощила силы обеих сторон, которые к весне 1994 года в основном исчерпали внутренние резервы и возможности для продолжения активного военного противоборства. Конфликт приобрел позиционный характер. Достигнутое летом того же года соглашение о прекращении огня на карабахском и армяно-азербайджанском фронтах позволило установить хрупкое перемирие и перевести противоборство в плоскость затяжной политико-дипломатической борьбы.

Необходимо иметь в виду, что в условиях сохраняющейся внутренней нестабильности, высокой общественно-политической напряженности, непрекращающейся острей борьбы за власть как в правящих кругах, так и среди оппозиции Баку и Еревана имеются влиятельные силы, непосредственно заинтересованные в поддержании конфликта в "подвешенном" состоянии. Очевидно, возвышение и приход к власти ныне правящих элит обеих сторон самым непосредственным образом связаны с конфликтом вокруг Карабаха, в иных условиях они не могли рассчитывать на успех.

Внешний аспект карабахского кризиса обусловлен тем обстоятельством, что расширение его масштабов вышло за рамки двустороннего противостояния, все в большей степени затрагивал интересы как России и сопредельных государств региона, так и международного сообщества в целом. Постепенно в него вовлекаются (прямо или косвенно) новые международные силы. Их позиции, подходы и интересы вступают в сложное взаимодействие, которое может обретать форму сотрудничества, партнерства или же столкновения и соперничества, что, разумеется, соответствующим образом отражается и на динамике армяно-азербайджанского конфликта. Принципиально важное значение для дальнейшего развития всей ситуации в регионе имело состоявшееся в конце сентября 1994 года подписание в Баку "контракта века" с западным нефтяным консорциумом, реализация которого рассчитана на 30 лет. По мнению экспертов, подписав контракт с гигантами нефтебизнеса, "Азербайджан автоматически вошел в зону интересов западных правительств, которым теперь нужна политическая стабильность в закавказской республике" [14].

Действительно, в условиях ускорения глобализации экономических, информационных и политических процессов развитие конфликтной ситуации в Закавказье все в большей мере подвержено воздействию транснациональных и геоэкономических факторов. Стремительно набирающий силу процесс экономизации политики во многом детерминирует методики и технологии разблокирования и туго затянутого карабахского узла.

Представляется, что ключевой проблемой, от которой зависит успех процесса урегулирования, будет следующая: "Можно ли совместить самоопределение армянского населения Нагорного Карабаха с сохранением территориальной целостности Азербайджана?" [15]. Учитывая комплекс особой чувствительности крупных этносов к вопросам самоутверждения на территории, которую они считают национальной, проявляющийся в почти тюремной незыблемости рубежей нации, можно обоснованно предполагать, что решение данной задачи будет делом исключительно трудным, долгим и дорогостоящим.

Поскольку не существует единой универсальной методики, пригодной для урегулирования многообразных конфликтных ситуаций, как нет и не может быть каких-либо готовых рецептов и рекомендаций на все случаи жизни, необходима выработка в каждом конкретном случае своего особого подхода, стратегической линии, тактики и частной методики конфликтного взаимодействия. Это в полной мере относится и к данному конфликту.

Целесообразность применения здесь специфического нетрадиционного подхода обусловлена прежде всего сущностью самого Карабахского конфликта, который на каждом витке своего развития выбирал продолжение, ведущее в тупик. После чего весь конфликтный процесс как бы раскручивался заново, но с еще большей напряженностью, издержками и приводил к еще более глубокому кризису.

Конфликтная ситуация, несмотря на всю свою внешнюю иррациональность, явилась следствием спонтанной неутраченной борьбы интересов как региональных, так и глобальных сил. Причем по мере эскалации конфликта ситуация еще более усложняется, если учитывать разнонаправленность интересов и устремлений крупнейших держав и нефтяных корпораций относительно маршрутов транзита углеводородного сырья из Центральной Азии и бассейна Каспия в Европу.

Таким образом, на каждом этапе не только происходит перманентная эскалация, но и усиливается интернационализация конфликта - в него вовлекается все больше действующих лиц, каждое из которых в состоянии без особого для себя ущерба заблокировать неудобное ему решение. Тем самым происходит как бы замещение самой региональной первоосновы конфликта сложным полифакторным взаимодействием транснациональных интересов и сил, вследствие чего он способен длиться неопределенно долгое время, и даже помимо воли его непосредственных участников складывающееся положение нередко побуждает исследователей, занимающихся карабахской проблемой, анализировать прежде всего отношения между Турцией, Россией, США, Великобританией, Ираном и лишь потом позиции самих субъектов конфликта.

Пути выхода из кризиса

С учетом сказанного, а также принимая во внимание те новые реалии и тенденции, которые дают о себе знать как на региональном, так и на международном уровнях, представляется продуктивным рассмотреть вопрос о принятии нестандартных решений, способных нейтрализовать наиболее взрывоопасные аспекты проблемы и оказать стабилизирующее воздействие на ситуацию в Закавказье. При этом важно избежать иллюзии простых и быстрых решений, связанных с желанием восстановить предконфликтное статус-кво, поскольку это наверняка приведет лишь к воспроизводству той же последовательности событий, которая имела здесь место с начала нынешнего века.

В этом смысле методологически важным представляется "разведение" карабахской проблемы и карабахского конфликта. Сама эта проблема, как свидетельствуют факты, возникла и развивалась на протяжении столетий. Поэтому на ее скорое решение надеяться не приходится. Исходя из этого, необходимо полностью исключить силовые методы, применение которых лишь стимулирует рост напряженности, и придерживаться долговременной поэтапной стратегии "деэскалации". В основу такой стратегии может быть положена концептуальная модель ближневосточного мирного процесса, базирующаяся на известной формуле: "земля в обмен на мир".

Дифференцирование и разграничение самого конфликта и карабахской проблемы позволили бы перевести в практическую плоскость комплекс мер по реальной деэскалации кризиса, охватывающий три последовательных этапа.

I этап - укрепление мер взаимного доверия и стабильности в зоне конфликта (подписание Декларации о намерениях, включающей общие контуры урегулирования и обязательств сторон не применять военную силу; взаимный отвод войск и создание демилитаризованной зоны; взаимное снятие экономической блокады, бьющей в первую очередь по гражданскому населению; прекращение информационно-психологической войны в СМИ; введение эмбарго на ввоз любых вооружений в зону конфликта; размещение в демилитаризованной зоне миротворческого контингента СНГ и групп международных наблюдателей ООН; придание переговорному процессу системного и непрерывного характера).

II этап - продвижение вперед посредством нарастающих компромиссов (заключение соглашений по конкретным аспектам конфликтного урегулирования: демилитаризация транспортных коммуникаций и коридоров транзита углеводородного сырья; прекращение состояния войны и восстановление мирных отношений; обмен дипломатическими представительствами; проведение многосторонних прямых регулярных консультаций в "треугольнике" Ереван-Баку-Степанакерт; поэтапный отвод армянских войск с контролируемых территорий с одновременным расширением демилитаризованной зоны; определение форм реализации концепции "гуманитарного коридора" в районе Лачина).

III этап - достижение консенсуса и гарантии безопасности (определение "отложенного статуса" Нагорного Карабаха; завершение отвода армянских войск с образованием по периметру линии разграничения буферных зон с контингентами миротворческих сил СНГ; проведение "саммита" с участием глав государств - членов Совета Безопасности ООН и стран региона; заключение специальных международных соглашений, содержащих гарантии безопасности всем участникам конфликта; подписание конфликтующими сторонами специального Пакта о добрососедстве и невозобновлении конфронтации; создание международного финансового фонда для стимулирования мирного процесса в регионе; реализация масштабного долгосрочного проекта регионального экономического сотрудничества).

Разделение конфликтной проблематики на отдельные самостоятельные составляющие, их фрагментация и постепенное урегулирование по частям являются наиболее предпочтительной методикой. Одним из примеров такого рода "малых шагов" служит осуществленный в 1996 году обмен пленными между армянской и азербайджанской сторонами по инициативе и при участии России.

Прогрессу переговорного процесса может помочь и исключение из политического лексикона заведомо однозначных формулировок, неприемлемых для одной из сторон, акцент на реальных гарантиях, способных содействовать процессу установления доверия. При этом разумно выдвигание такого комплексного проекта урегулирования, который не был бы болезненно воспринят ни одной из сторон конфликта и не исключал бы возможности сохранения в какой-либо форме юнионистских отношений между Азербайджаном и НКР (например, Чечня в составе Российской Федерации или Хорватомусульманская конфедерация в составе Боснии). Такой проект мог бы содержать следующие основные положения:

- наличие специального Договора, регулирующего взаимоотношения между Баку и Степанакертом;

- особая экономическая зона, предполагающая собственное законодательство и социально-экономическую политику;

- наличие собственных органов представительной власти, управления и судопроизводства;

- собственное внутреннее гражданство, позволяющее регулировать миграционные процессы и предоставляющее право собственности;

- силы самообороны с четко определенным мандатом и подконтрольные международным наблюдателям;

- определенная форма представительства в международных организациях.

Реализация такого комплекса мер под международным контролем, не предопределяя окончательного решения вопроса, могла бы, как представляется, дать сторонам время и возможность для дальнейших цивилизованных поисков альтернатив и взаимоприемлемых вариантов.

При решении самой проблемы целесообразно избегать ее глобализации, постепенно сужая круг участников и посредников, которые могут быть привлечены в качестве гарантов на заключительной стадии урегулирования. Участие международных субъектов в миротворческом процессе не должно противоречить интересам России и урезать ее доминирующую посредническую роль. Посредническая деятельность является фактически одним из важнейших инструментов политики России в

зонах повышенной конфликтности на постсоветском пространстве Евразии. Стремление играть роль основного арбитра, следование логике переговорного процесса без предварительной жесткой фиксации подходов к решению основополагающих проблем конфликта, толерантность и готовность к активному диалогу и сотрудничеству с вовлеченными акторами, оказание сбалансированного и адресного воздействия на все противоборствующие стороны представляют по существу комплекс общих принципов, на которых призвана основываться российская "конфликтная политика" в "ближнем зарубежье".

Совокупность объективных факторов (исторических, геополитических, экономических, гуманитарных) дает России все основания для поддержания прямых "особых отношений" со Степанакертом, который должен играть роль самостоятельного политического фактора в процессе мирных переговоров. В этом, если смотреть на вещи реалистично, заинтересованы и другие стороны, ибо исключение Карабаха из процесса политического урегулирования ведет к закреплению за ним единственной ролевой функции - участника конфликта. Тогда как в качестве полноценного политического фактора он способен не только продвинуть вперед мирный процесс в Закавказье, но и внести весомый вклад в укрепление региональной стабильности и международной безопасности.

Естественно, что как Баку, так и Ереван исходят при оценке ситуации и определении позиций по отношению к путям и методам урегулирования конфликта из своих собственных интересов, которые расходятся как между собой, так и по отношению к Степанакерту и Москве. Однако последняя располагает необходимыми, инструментариумом и технологиями, чтобы провести последовательно и методично приоритет своих национальных интересов при развязывании конфликтных узлов в этом регионе.

Для решения этой задачи существует арсенал разнообразных средств и способов. Известно, что как у армянской, так и азербайджанской сторон имеется целый ряд "болевых точек" и уязвимых мест, умелое воздействие на которые способно принести ощутимый эффект.

Для Баку таковыми являются: хроническая внутривнутриполитическая нестабильность (по числу раскрытых и нераскрытых заговоров, переворотов, контрпереворотов и покушений Азербайджан лидирует в СНГ); неурегулированность этнонациональных противоречий (лишение возможности любого самоопределения таких крупными компактно проживающих нацменьшинств, как лезгины, талыши, курды, крызы, таты), чрезвычайно высокий уровень коррумпированности властных структур (по этому показателю Азербайджан и в советские времена далеко превосходил все союзные показатели); "нефтяной фактор", детерминирующий одностороннюю ориентацию страны; давняя проблема "второго Азербайджана" (две северные провинции соседнего Ирана населены преимущественно азербайджанцами); медленное, но неуклонное усиление роли "исламского фактора" в общественно-политической жизни (что со временем неизбежно отразится и на продолжающейся борьбе за власть). Для армянской стороны к аналогичной категории можно отнести следующие факторы: сильная зависимость от внешних поставок энергоносителей; наличие постоянной внешнеполитической проблемы в форме "турецкой угрозы"; уязвимость национальной экономики перед лицом экономической блокады; несамодостаточность национального ВПК, потребность в военно-технических поставках извне; ограниченность собственных природно-сырьевых ресурсов; "утечка умов", истощающая интеллектуальный потенциал нации.

Набор средств воздействия на перечисленные "невралгические узлы" может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств и поставленных задач начиная с традиционных, распространенных в политической практике со времен Н. Макиавелли (подкуп, шантаж, предательство, заговор), включая изощренно-цивилизованные и новомодные (дезинтеграция, рефлексивное манипулирование, регионализация, финансовая интервенция, информационно-психологическая война, экономи-

ческая экспансия) и кончая всевозможными разновидностями шокотерапии (массовое зомбирование населения через подконтрольные СМИ, инициирование антиправительственных мятежей, сепаратистских движений, этнополитических конфронтаций, инспирирование внутренних смут, гражданских войн и локальных конфликтов).

Весьма продуктивной в разблокировании конфликтных ситуаций является и методика "пакетных решений", основанная на "увязывании" разноплановых проблем в рамках единой стратегии "контролирования" кризисных процессов. Большой вклад в разработку и реализацию этой методики внесли такие подлинные мастера своего дела, как Г. Киссинджер, З. Бжезинский, У. Квандт, С. Хофман, Г. Сигман. Данный метод, вероятно, вполне применим и к карабахскому урегулированию, например: взаимоувязывание решения проблемы Лачинского коридора с обеспечением безопасности коридоров транзита углеводородного сырья из бассейна Каспия в Европу; решение в одном "пакете" вопросов о статусах Нагорного Карабаха и Каспия; зависимость предпочтений в поставках вооружений и техники от учета конфликтующими сторонами интересов России.

Провозглашение интеграции постсоветского пространства в качестве приоритета внешней политики Российской Федерации отнюдь не мешает упрочению ее позиций посредством ослабления конкурентов и усиления союзников и партнеров, в том числе и через конфликтные ситуации. Для нашей страны, укрепляющей собственную государственность и формирующей вокруг себя интеграционное поле из тех, кто желает и готов к сближению с ней, было бы предпочтительнее рассматривать "ближнее зарубежье" в качестве общего евразийского пространства, в котором наряду с постсоветскими государствами наличествуют также и разные регионы и этнонациональные общности (СНГ как "Сообщество евразийских регионов"). Конструктивнее выстраивать подлинную интеграцию не сверху, а снизу - на основе близких или взаимосовпадающих экономических связей, формирования транснациональных финансово-промышленных групп, добровольного волеизъявления народных масс, а не верхушечных структур (в этом плане показателен пример Армении, где при населении в 3 млн человек было собрано более 1 млн подписей в поддержку подключения страны к Российско-Белорусскому Союзу).

Россиянам не выгодно псевдоинтеграция за счет их государства или бумажная казенно-бюрократическая интеграция. Тем более с теми, кто ищет партнеров для объединения на антироссийской основе. Дабы не оказаться в один прекрасный момент в положении Сербии или Ирака, России необходимо научиться последовательно, жестко и профессионально отстаивать свои национальные интересы, которые существенно меняются в условиях нового миропорядка, как это делают не только "сильные мира сего", но и любые государства, обладающие развитым чувством национального достоинства, например Индия, Латвия, Израиль, Куба.

Этому способствовало бы и избавление как от унаследованных от прошлого догм и комплексов ("имперских", неполноценности, вины перед другими, наивного альтруизма, беспросветной доверчивости, "обязанности" заботиться обо всех), так и новоизобретенных мифологем ("заграница нам поможет", Запад "заинтересован в процветании России", Америка повсеместно "борется за демократию и права человека", "общечеловеческие ценности", "рынок - прямой путь в светлое капиталистическое будущее"). Политический реализм требует видеть, что на деле в международной практике наряду с высокопарными лозунгами и внешне привлекательными концепциями широко используются апробированные и прошедшие проверку временем принципы: "разделяй и властвуй"; "враг моего врага - мой друг"; "цель оправдывает средства"; "своя рубашка ближе к телу"; "деньги не пахнут".

Особое распространение в современных условиях получил подход, основанный на применении "двойных стандартов", которого последовательно придерживается Вашингтон. Проявляется это не только на Балканах, Ближнем Востоке, в Латинской Америке, АТР, но и в геополитическом пространстве Евразии. К. Брутенц пишет: «США всеми средствами стимулировали националистические настроения в Советском

Союзе и решительно поддержали реализацию бывшими советскими республиками "священного права" на национальное самоопределение, но столь же решительно выступили с противоположных позиций, когда распад СССР был достигнут и речь пошла об Абхазии и Нагорном Карабахе» [16, с. 35]. Двойственное отношение Запада к России находит свое выражение и в откровенном русофобстве влиятельной части западного политического истеблишмента. Например, Г. Киссинджер недавно заявил: "Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народов в единое, крепкое, централизованное государство" (цит. по [17]).

В этих условиях для России было бы крайне нерационально не использовать весь тот богатый арсенал способов, методов и приемов, которые не стесняются применять в политической практике другие субъекты международного сообщества. Это в полной мере относится и к региону Закавказья, где Россия заинтересована в сохранении своего разностороннего, стабильного и эффективного присутствия.

Начавшийся процесс выправления внешнеполитического курса, базирующийся на здоровом чувстве национального эгоизма, может быть дополнен следующими коррективами: консолидацией национального потенциала; централизованной координацией всей внешнегосударственной деятельности; подчинением внешней политики экономическим интересам; обеспечением плотного информационно-пропагандистского прикрытия акций страны на международной арене; выработкой научно обоснованной конфликтной стратегии как средства обеспечения интересов России в постсоветском геополитическом пространстве; принятием специальных законов "О порядке добровольного вхождения в состав Российской Федерации субъектов бывшего СССР" и "Об ассоциированном членстве в Российско-Белорусском Союзе"; приданием всей внешнегосударственной деятельности напористого и целеустремленного характера.

Разумеется, реализация подобной корреляции во внешнеполитической сфере, как и решение других неотложных общегосударственных задач, возможны лишь после излечения запущенной российской болезни, истоки которой "...следует искать не в экономике, а в системе власти, механизмах, позволяющих ей дистанцироваться от народа, не нести никакой ответственности за проводимую политику" [18]. Чтобы выбраться из затяжной смуты и достойно вступить в XXI век, России необходимо новое высокопрофессиональное, умное и честное государственное руководство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Т. II. СПб., 1888. С. 52-58.
2. *Иоаннисян А.Р.* Иосиф Эмин. Ереван, 1945.
3. *Тер-Аветисян С.В.* Материалы по истории армянской колонии в Индии // Ученые записки Ереванского государственного университета. 1940. Т. XIII.
4. *Давыдов Д.* Военные записки. М., 1940.
5. Записки Алексея Петровича Ермакова. Ч. II. М., 1868. С. 7,8.
6. Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 69.
7. *Волков В.К.* Этнократия - непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. №2. С. 42.
8. *Лезов С.* Сколько стоит "неумение найти и сказать правду"? // Социум. 1992. № 8.
9. *Ямсков А.Н.* Межнациональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития // Полис. 1991. № 2. С. 83.
10. *Burg S.L.* The Soviet Union's Nationalities Question // Current History. 1988. October. P. 320.
11. Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986.
12. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.
13. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985. P. 324.
14. *Шерматова С.* Прикаспийская война России // Московские новости. 1994. 16-23 октября.

15. *Клайн Э.* Самоопределение наций: созидание или опасная забава // *Общественные науки и современность.* 1993. № 2. С. 162.
16. *Брутенц К.Н.* В погоне за "Пакс Американа" // *Свободная мысль.* 1998. № 5. С. 34.
17. *Кортунов С.В.* "Имперское" и национальное в российском сознании // *Международная жизнь.* 1998. № 5. С. 16.
18. *Львов Д.В.* Новый образ России // *Наука. Политика. Предпринимательство.* 1997. №3-4. С. 18.

© С. Востриков, 1999